

Волкова, Л. М. Влияние античной философской мысли на утопические представления средневековых тюрков о государственном устройстве [Электронный ресурс] / Л. М. Волкова // Режим доступа: <http://www.fan-nauka.narod.ru/2011.html>, свободный. (1,5 п.л.)

**Волкова Любовь Михайловна,
заместитель директора по учебно-производственной работе
Чистопольского политехнического колледжа Республики Татарстан**

ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НА УТОПИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ

(13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования)

В произведениях античных философов много говорится о государственном устройстве. Сократ, Платон, Аристотель и др. являются сторонниками справедливого управления государством. По их мнению, управление государством, основанное на законности и праве, должно привести к всеобщему благоденствию.

Как пишет Л.И. Королева-Мунц, Сократ «пытался сформулировать идеально разумную сущность государства. В своих характеристиках различных форм государственного устройства и правления Сократ стремился выделить присущие им черты своеобразия, формообразующие принципы. Власть, основывающуюся на воле народа и на государственных законах, он называл царством, а власть против воли народа, основывающуюся не на законах, а на произволе правителя, называл тиранией. Если правление исходит от таких лиц, которые исполняют законы, то такое устройство он называл аристократией, если оно исходит от богатства – плутократией, а если от воли вех – демократией. Классификация различных форм правления, учет роли закона при характеристике форм правления и т.д. оказали заметное влияние на последующие учения о формах государства» [Королева-Мунц, электронный ресурс].

Тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни в своей поэме «Кут адгу билик» («Благодатное знание») описывает демократическое управление государством:

«На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.
То был Кюнтогды, был он славой покрыт,
И, счастлив, всесветно он был знаменит.
В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.
Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых – что огонь был, для недругов – страх.
Бесстрашный, по правде вершил он дела,
И день ото дня его слава росла.
Властитель премудрым уменьем владел –
Сверять свою волю с велением дел.
И власть он с усердием страсти вершил –
Со страстью, пригодной для власти, вершил» [Баласагунский, 1983, 59-60].

Основными принципами правления государством Ю. Баласагуни, таким образом, считает справедливость, прямота, строгость, правдивость, высокодуховность, мудрость, наличие ума, скорость в решениях, бесстрашие, умелость, страсть и усердие. Элементы тирании в управ государством направлены против злых и врагов, для которых правитель как огонь и страх.

Свои мысли просветитель подтверждает стихотворными строчками другого поэта:

«И стих у поэта есть будто о нем,
Любой прочитавший уверится в том:
«Для мужа и рвенье и доблесть нужны,
А зло и порок с ним дружить не должны.
А если и доблесть и рвенье нужны,
Да будут они в сердце мужа равны» [Баласагунский, 1983, 60].

В этих строках поэт утверждает необходимость доблести и рвенья не только у правителя, но и у всех «мужей» и, напротив, им противопоставляет и отрицает наличие зла и пороков.

Описание демократического стиля управления правителя Кюнтогды на этом не заканчивается. Ю. Баласагуни о демократии в его утопическом государстве повторяет неустанно:

«И был Кюнтогды образцом сих начал:
Как солнце с луной он над миром сиял.
Всех мудрых к себе он призвал на порог,
Всех умных возвысил и к делу привлек.
Стекались к нему все владыки земли –
Мужи, что умом всех других превзошли.
Он дал устроенье всем странам вокруг
И лучших мужей приближал для послуг.
В подмогу себе в начинаньях своих,
Чтоб мог он всегда положиться на них» [Баласагунский, 1983, 60].

Демократия правителя Кюнтогды распространяется не только в его государстве, но и далеко за его пределами («как солнце с луной он над миром сиял»). К делу управления государством он привлекал всех умных всего мира, поэтому к нему стекались для служения со всего мира, а им он доверял государственно важные дела и мог положиться.

В «Государстве» Платона имеются такие строки: «Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька? ... Да пусть твоя нянька не забывает утирать тебе нос, ты ведь у нее не отличаешь овец от пастуха. ... Потому что ты думаешь, будто пастухи или волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. «Справедливое», «справедливость», «несправедливое», «несправедливость» – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть» [Платон. Государство, электронный ресурс].

С данным мнением Платона тюркский средневековый просветитель Ю. Баласагуни не полностью соглашается. Он согласен в том, что «подданные осуществляют то, что пригодно правителю». Например, в выборе подчиненных правитель Кюнтогды руководствуется следующими соображениями:

«Сподвижник мудрые в деле нужны –
Такие, чтоб делу радели, нужны.
Помощники надобны – дел знатоки,
По разуму действуешь – цели легки,
Помощников много – властитель силен,
В порядке правленья, незыблем закон.
Помощники в каждом деянье важны,
А в деле правленья – подавно нужны.
Когда властелин без помощников, он

Все делать своею рукой принужден.

И так каждый день ему много тревог,

Но бед и не счастье, если он одинок!» [Баласагунский, 1983, 61].

Когда у правителя имеются такие помощники, то, естественно, у него забот становится меньше, и он процветает; но по Баласагуни, благоденствие приходит и его подчиненным и всему народу, что и является утопией средневекового просветителя.

Прав Сократ, когда говорит: «Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от управления, как теперь оспаривают власть. Отсюда стало бы ясно, что по существу подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному, так что всякий понимающий это человек вместо того, чтобы хлопотать о пользе другого, предпочел бы, чтобы другие позаботились о его пользе. Я ни в коем случае не уступлю Фрасимаху, будто справедливость – это то, что пригодно сильнейшему» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Ю. Баласагуни, следуя Платону, пишет о тяжелой участи правителя:

«Желаешь покоя – беда тут как тут,

За радостью следом печали идут.

Чем больше величья, тем больше обуз:

Крупна голова – так и шапка что груз!

Нет тайн для властителя и за дверьми,

Когда он и слухом и зреньем – с людьми» [Баласагунский, 1983, 61].

Эти строки Ю. Баласагуни свидетельствуют, что правитель, знающий о проблемах и печалих народа, свою справедливость направляет на них.

Словами Адиманта Платон в «Государстве» рассуждает: «...По всей вероятности, юноша задаст самому себе вопрос наподобие Пиндара:

«Правдой ли взойти мне на вышнюю крепость

Или обманом и кривдой – и под их защитой провести жизнь? Судя по этим рассказам, если я справедлив, а меня таковым не считают, пользы мне от этого, как уверяют, не будет никакой, одни только тяготы и явный ущерб. А для человека несправедливого, но снискавшего себе славу справедливого жизнь, как утверждают, чудесна. Но, скажет кто-нибудь, нелегко все время скрывать свою порочность. Да ведь и все великое без труда не дается, ответим мы ему. Тем не менее, если мы стремимся к благополучию, приходится идти по тому пути, которым ведут нас эти рассуждения. Чтобы это осталось тайной, мы составим союзы и общества; существуют же наставники в искусстве убеждать, от них можно заимствовать судейскую премудрость и умение действовать в народных собраниях; таким образом, мы будем прибегать то к убеждению, то к насилию, так чтобы всегда брать верх и не подвергаться наказанию» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Эти строки свидетельствуют о том, что в правлении государством Платон сторонник «прибегать то к убеждению, то к насилию». Такого же мнения придерживается и Ю. Баласагуни. В поэме «Благодатное знание» правитель Кюнтогды рассказывает о методах своего правления. Его трон правления держится на трех ножках. Почему на трех ножках, а не на четырех? Кюнтогды доказывает:

«Вот трон, на котором сию я всевластно,

Взгляни: три ноги его держат согласно.

Незыблемо прочен трехногий предмет:

Все ножки недвижны, качания нет.

Но если на трех хоть одна подкосится,

Дано и другим, и сиденью свалиться.

Прочны три опоры: предмет будто врос,

А где их четыре – всегда перекося» [Баласагунский, 1983, 88].

Что касается «снискавшего себе славу справедливого жизнь, как утверждают, чудесна» по Платону, то Баласагуни:

«Что прямо, не криво – все ладно на диво,
Все ладное – прямо, прямо – правдиво.
Скосилось – глядишь, в кривизну перешло,
А где кривизна – там посеяно зло.

Прямое падет, если вдруг окосело,

Но будет стоять, если прямо всецело» [Баласагунский, 1983, 89].

Подобно Платону, Ю. Баласагуни таким образом доказывает, что «ладная», прямая, правдивая жизнь продолжится стойко и надежно, а если хотя бы одна ножка пошатнется, то все скривится и посеется зло. О каких же ножках говорит тюркский просветитель?

Все три ножки в совокупности составляют справедливость, на чем держится все деяния правителя Кюнтогды:

«Взгляни на меня: я всегда справедлив,

А правды и кривды ведь тонок извив.

По правде вершу все дела я привычно,

А бек или раб предо мной – безразлично» [Баласагунский, 1983, 89].

Далее следует раскрыть составляющие этой справедливости. Так, одну из ножек составляет нож:

«А то, что ты видел в руке моей нож,

Так нужно быть острым: карай и пристрожь!

Как нож, я остер, и дела мои режу –

Караю грешащего кривдой невежу!» [Баласагунский, 1983, 89].

А вторую ножку трона правления, по мнению Ю. Баласагуни, составляет сладость:

«А сладость что значит? – Изведавший гнет

У врат моих правду закона найдет.

И сам он – что сахар от этой услады,

И очи, и лик его веселы-рады» [Баласагунский, 1983, 89].

И, наконец, третья ножка трона, как бы странно это не прозвучало, – это яд:

«А яд предназначен для тех из людей,

Что правды сторонятся в злобе своей.

Для них – мой закон, и суровый и правый:

Придется спознаться им с ядом-отравой» [Баласагунский, 1983, 89].

Таким образом, справедливое правление обеспечивается тремя составляющими: ножом, сладостью и ядом, где нож символизирует строгость, сладость – защиту неимущих слоев населения от гнета, а яд – борьбу против несправедливости.

Рассуждения Платона о справедливости правителей отражены в словах Фрасимаха: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему. ...

...В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. ...

Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия - демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а престопающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Ю. Баласагуни особо придерживается Платоновского мнения о том, что «справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего», именно поэтому у него главный герой поэмы «Благодатное знание» Кюнтогды олицетворяет справедливость.

По поводу кажущейся несправедливости у Платона имеется неопровержимое доказательство на то, что любой человек может поступить несправедливо, если у него на то хватит сил, здоровья, энергии, возможностей и т.д. Адиамант в своем монологе размышляет так: «...кто может опровергнуть все, что мы теперь сказали, и кто вполне убежден, что самое

лучшее – это справедливость, даже он будет очень склонен извинить людей несправедливых и отнестись к ним без гнева, сознавая, что возмущаться несправедливостью может лишь человек, божественный по природе, и воздерживаться от нее может лишь человек, обладающий знанием, а вообще-то никто не придерживается справедливости по доброй воле: всякий осуждает несправедливость из-за своей робости, старости или какой-либо иной немощи, то есть потому, что он просто не в состоянии ее совершать. Ясно, что это так. Ведь из таких людей первый, кто только войдет в силу, первым же и поступает несправедливо, насколько способен» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Платон и Ю. Баласагуни правы в том, что кажущееся одному справедливым, может показаться другому злом. Использование в правлении ножа и яда, действительно, кажется неправильным, но когда эти наносящие вред предметы применяются для установления порядка и правды против непослушных, невежд и для того, чтобы установить справедливость, то в пути достижения всеобщего блага они могут быть оправданы.

В «Государстве» Платона Адимант и Сократ ведут речь о всеобщем счастье в справедливом государстве:

«Тут вмешался Адимант:

– Как же тебе защититься, Сократ, – сказал он, – если станут утверждать, что не слишком-то счастливыми делаешь ты этих людей...

– ...Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий...» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Просветитель Ю. Баласагуни справедливое правление, которое обеспечивает всеобщее равенство и в конечном результате всеобщее благо, рисует следующем образом:

«Суровость и мрачность, насупленный лик –

Для тех, кто неволить слабейших привык.

И – сын ли, чужой ли, родня ли, приятель,

Пришелец приспевший ли – кстати, некстати ль –

Они для меня по закону равны,

Я им ни смягчу, ни прибавлю вины.

Для власти во всем справедливость – основа,

И власть лишь во правде жива и здорова» [Баласагунский, 1983, 89].

Так, в описании просветителя справедливость и закон одинаковы для всех, власть равно относится ко всем своим гражданам. Доказательством этому служат высказывания мудрецов:

«Об этом муж разума слово изрек,

А мудрое слово – успехов залог:

«Крепка только власть справедливости строгой,

Путь бека – идти справедливой дорогой.

Бек, правящий твердым, правдивым законом,

Желаемых благ получает премного!» [Баласагунский, 1983, 89-90].

Таким образом, правитель основываясь в правлении на законность и справедливость своих граждан ведет к «желаемым благам», которые доступны всем.

Глубина утопизма тюркского просветителя Ю. Баласагуни заложены в следующих строках поэмы:

«Достойный поэт, стих об этом сложив,

Сказал: «Не спеши, будь в делах терпелив!

С поспешностью дел не свершай никогда:

За каждую спешкой приходит беда.

Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть!» [Баласагунский, 1983, 72].

Эти строки поэмы свидетельствуют о том, что поэт мечтал о дне, когда к власти смог бы прийти любой член общества, будь он из высших или низших слоев населения, при условии, что он не будет спешить в решениях, обладать терпением и усердием. Этих требований перед будущим управленцем государством ставится много. Словами элика Кюнтогды поэт перечисляет еще ряд качеств, необходимых «государственному мужу»:

«Велика у власти и дело и глас.
От многих забот голова тяжела,
Муж нужен мне умный – вершить все дела.
Мне править теперь одному уж невмочь,
Муж нужен мне мудрый, чтоб делу помочь.
Муж избранный нужен, чей разум глубок,
Такой, чтобы править подвластными мог,
Чтоб праведен был он, и добр, и правдив,
И словом и сердцем во всем справедлив,
Чтоб он исполнял мой приказ и наказ –
И тайное ведал и явное враз» [Баласагунский, 1983, 60].

Обладатель лишь такими качествами достоин и может вести государственные дела.

Лишний раз доказывая правдивость своих мыслей, Ю. Баласагуни приводит к власти Айтолды – выходца из простых людей и делает его визиром при дворце. При встрече с правителем Кюнтогды будущий визир о себе сообщил следующее:

«Сказал Айтолды: «Достославный элик!
Подвластный хорош, если к службе привык.
Я – раб, мне – стоять у дверей, я – слуга,
Я предан тебе, служба мне дорога.
К тебе я пришел, и мой путь был не мал,
Достиг я всего, чего страстно желал.
Прошу: не гнушайся же мной, не гневись,
Дозволь быть с тобой, к услуженью приблизь!» [Баласагунский, 1983, 72].

В ответ такому прошению правитель сказал: «Вот муж, о каком и мечтал я как раз!», то есть при первой же встрече сразу принял его на службу. Следует помнить, что Айтолды обладает рядом человеческих качеств, которые позволяют претендовать ему на должность визира и о которых поэт сообщил следующее:

«Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво.
Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью правдив на язык.
Обучен бесчисленным умениям и знаниям,
Он к делу умел применять их со тщаньем» [Баласагунский, 1983, 63].

Здесь уместно еще раз вспомнить о том, что, по мнению Сократа, к власти должны прийти люди со специальной подготовкой, которые умели бы вести государственные дела.

Такой отбор чиновников на государственные должности также созвучно с мыслями Сократа. Так, «Сократ решающую роль отводил не столько форме правления (за исключением тирании, которую он осуждал), сколько строгому соблюдению законов и умелому руководству государством. Сократ подвергал практику выбора должностных лиц по жребию. Существовавшую практику замещения многих ответственных должностей жребием он находил нелепой. Тем не менее, Сократ требовал ясного определения демократии и её задач. Эта критика выдвигается в качестве главного довода в пользу тезиса об «антидемократизме» Сократа» [Королева-Мунц, электронный ресурс].

По вопросам управления государством Ю. Баласагуни обращается к мнению аксакалов и приводит их высказывания. Вот что сказали об идеальном управлении страной мудрецы:

«И вот что сказал муж достойный, внемли,
Слова его – словно цветы всей земли:
«Величье и власть достохвальны стократ,
Когда они правду и право вершат.
Власть бека достойна великих похвал,
Но лучше – закон, что во благо он дал.
Сколь благостен в доброе время народ,
Когда властелин справедливость блюдет!
Сколь благостно доброе имя: оно
Как вечное счастье навеки дано!
И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми» [Баласагунский, 1983, 63].

Такие действия правителя, как соблюдение правдивости и права, справедливости и законности, приводит к тому, что его народ уважает и хвалит, он становится величественным, после себя он оставляет доброе имя, которое и является, по мнению просветителя, самым великим счастьем.

Сократ также большое внимание обращал на то, что правитель должен в первую очередь заботиться о своих подданных. По словам Л.И. Королевы-Мунц, «властвование, по Сократу, является не удовольствием, но добродетелью; его цель не в удовлетворении личных прихотей и капризов властителя, но в достижении блага для всего полиса. И лишь в меру своих услуг полису тот или иной политик вправе рассчитывать на почести от государства. Сократ замечает, что правитель или военачальник должен заботиться не о себе, но прежде всего о благополучии своих подданных и солдат. Те же, что используют власть в своих корыстных целях, заслуживают сурового наказания. Наказывать следует и тех, говорил Сократ, кто не изучив предварительно соответствующего предмета, хлопчат об избрании его на государственную должность. Станным считал Сократ то распространенное мнение, будто искусство государственного управления, величайшее из занятий, дается человеку само собою, тогда как в прочих маловажных занятиях люди достигают успеха лишь после соответствующей учебы и подготовки» [Королева-Мунц, электронный ресурс].

Следуя этим мыслям Сократа, поэт Ю. Баласагуни правителя Кюнтогда описывает отечающим всем требованиям идеального правителя, заботящегося о своем народе:

«И праведно правил народом элик,
И стал во всем мире он славой велик.
Росла его слава, молились о нем,
И наполнилось счастье его день за днем.
Тянулся к нему весь вселенский народ –
Изведать добро его благ и щедрот.
Был поясом счастья повязан народ,
И в дружбе с ягненком жил волк-живоглот» [Баласагунский, 1983, 62-63].

Как отметил в своем исследовании Р.Ш. Маликов, «это означает, что только справедливый и добрый правитель может «повязать пояс счастья» подвластным ему людям на земле. Здесь он выступает как гуманист, мечтающий об обществе всеобщего равенства, где «в дружбе с ягненком жил волк-живоглот». Ценно в его взглядах то, что он призывает делать добро не для избранных, а для всех людей» [Маликов, 1999, 35-36].

По словам Л.И. Королевы-Мунц, «Сократ, сам непосредственно не занимавшийся политической деятельностью, вместе с тем живо интересовался всеми политическими делами и стремился к их совершенствованию. Воспитание своих слушателей, особенно молодых, в духе политической добродетели было главной целью сократовских бесед, всех его философско-просветительских усилий» [Королева-Мунц, электронный ресурс]. Средневековый тюркский просветитель Ю. Баласагуни также не являлся непосредственно политиком, но он подробно интересовался всеми сторонами государственного управления. Об этом свидетельствует энциклопедичность его круга интересов. Поэтому по поводу А.Н. Кононов писал, что:

«Юсуф Баласагунский, как это с полной очевидностью устанавливается из его поэмы, был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом» [Баласагунский, 1983, 517].

Платон в «Государстве» много говорит о несправедливости: «Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотарцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так вот, Сократ: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе» [Платон. Государство, электронный ресурс].

Следуя Платону, Ю. Баласагуни пишет, что правитель Кюнтогды легко справлялся с несправедливыми во властных структурах:

«Дурных он карал справедливой рукой,
Негожих – от дел отправлял на покой.

И правил он, зорко владенья храня,
И счастье росла его день ото дня.

Да, зоркость для всякого дела нужна,
А делу правления – всецело нужна.

Когда ты опаслив да зорок, тогда

Все – благо, и ты не познаешь вреда» [Баласагунский, 1983, 61].

Мысли Платона и Ю. Баласагуни о несправедливости в государстве полностью созвучны.

Литература:

1. Баласагунский Ю. Благодатное знание [Текст] / Ю. Баласагунский. – М. : Наука, 1983. – 558 с.

2. Королева-Мунц, Л. И. Сократ [Электронный ресурс] / Л. И. Королева-Мунц // Режим доступа: <http://inventech.ru/pub/club/094/>, свободный.

3. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон // Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/resp1.htm>, свободный.